

Ясно, однако, что реальные условия для формирования и развития социологии девиантного поведения и «соц. Заказ» на нее появились в бывшем СССР лишь в период «хрущевской оттепели».

В 1971г. независимо друг от друга появились небольшие по объему работы двух ленинградских авторов, в заглавии которых были вынесены слова «отклоняющееся» (девиантное) поведение. В них ставился вопрос о необходимости рассмотрения различных нежелательных для общества «нормонарушающих» проявлений с позиции более общей социологической теории, поскольку отклоняющееся поведение есть именно социальный феномен, различные его виды имеют общий генезис и причины, находятся в сложных взаимосвязях и зависимости от экономических и социальных условий. Отмечалось значение понимания и выбора критерия (точки отсчета) «отклонения», оценки измерения его «величины», а так же направленности.

Ибо, с точки зрения одного из авторов, Я. Глинского - отклоняющиеся поведения может быть как со знаком «минус» так и со знаком «плюс» (позитивное - социальное, научное, техническое, художественное творчество). Эта позиция обосновывалась и отстаивалась им во всех более поздних работах.

Разумеется, в ранних отечественных публикациях отдавалось должное марксистско-ленинской трактовке предмета, содержалось много вынужденных положений (об исторической ограниченности и переходящем характере девиации, о преимуществах социалистической системы) и критика зарубежных социологов девиантного поведения за их позитивизм, психологизм, метафизичность, и иные смертные грехи.

В 70-е годы появляется все больше трудов, посвященных проблемам формирования социологии девиантного поведения - В.С. Афанасьев, А.А.Габияни, Я.И.Гилинский, В.Н.Кудрявцев, И.В.Маточкин, Р.С.Могилевский, А.М.Яковлев. Значительную роль в становлении, развитии и институализации социологии девиантного поведения сыграли труды В.Н.Кудрявцева, которые нередко своим авторитетом «прикрывал» начинающих девиантологов от ретивых блюстителей идеологической чистоты.

В новейших теориях все чаще критикуется существующее социальное устройство, в них говорится о необходимости преобразования не отдельных людей, а всего общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гилинский Я.И. Социальный контроль за девиантным поведением в современной России. М.2000.
2. Гилинский Я.И., Смолинский Л.Г. Социодинамика самоубийств // Социс. 1988. № 5. С. 62.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство. С.-Петербург., 1998.
4. Осипова О.С. Девиантное поведение: благо или зло? // Социс. – 1998. - № 9.
5. Козн А. Содержание делинквентной субкультуры // Социология преступности. М., 1966.

Тевлюкова О.Ю., г. Новосибирск

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

Несмотря на то, что проблема насилия является одной из наиболее насущных проблем социальной теории и практики, изучению насилия в социологии уделяется недостаточно внимания. В классической социологии насилие оставалось на периферии теоретического анализа. И на современном этапе развития социологической теории исследования, посвященные данному феномену, также сосредотачиваются в области специальных социологических дисциплин – конфликтологии, военной социологии, социологии семьи. При этом исследования, как правило, носят прикладной характер, их предметом становятся отдельные формы насилия (психологическое, политическое, социокультур-

ное и т.д.). Понятие «социальное насилие» и его операциональное использование в социологии мало известны, что делает актуальным данное направление научного поиска.

Обращаясь к анализу феномена социального насилия, исследователь сталкивается с рядом проблем. Во-первых, традиционно проблема насилия рассматривается как философская. В связи с этим актуальным становится обоснование специфики социологического подхода к анализу феномена насилия. Автор данной статьи считает, что насилие необходимо рассматривать не в контексте понятий «добро» и «зло», «свобода» и «ограничение», а как средство организационного деструктивного социального пространства, в котором действует личность и общество. Именно в таком ракурсе насилие становится предметом рассмотрения социологии, поскольку, как отмечает Н.Е. Покровский, «во всем социологи могут и должны выделять организационное измерение» [1]. Социологический анализ проблемы насилия связан с исследованием процессов организационно-дезорганизации общества в целом и его отдельных сфер в частности.

Во-вторых, для многих отечественных и западных концепций насилия характерен противоречивый подход к трактовке отдельных форм насилия. С одной стороны, в советском общественном сознании основным субъектом социального насилия считалось государство. Как отмечает Г.Н. Киреев, «самая распространенная и часто повторяющаяся ошибка состоит в сведении всех форм насилия к насильственным функциям государства» [2, С. 87]. С другой стороны, советское государство нельзя было оценивать как систему легитимного (институционального) насилия. Подобный парадокс наблюдается и в отношении нелегитимных (коллективных) форм насилия. Революции и восстания, массовые акции протеста в буржуазных странах в советской науке оценивались позитивно, но лобное сопротивление социалистическому режиму на практике подавлялось и преследовалось.

В западной социологии (теории насилия) возникают свои парадоксы. Под социальным насилием там понимается в основном активное сопротивление существующему политическому режиму («коллективное» насилие). В тоже время, советская система клеймилась именно как система институционального (легитимного) насилия. Таким образом, общей чертой обеих ветвей социологии насилия становятся два постулата. Согласно первому, проявления социального насилия «сверху» в «своем» обществе следует оценивать позитивно – как «легальные акты силы», право государства на защиту; а в «чужом» – негативно – как институциональное насилие. Второй оценивает формы насилия «снизу» в «своей» общественной системе как аномалию индивидуального или группового поведения, девиацию, подлежащую исправлению с помощью средств социального контроля. Но в рамках «идеологически чуждой» социально-политической системы такое же поведение является воплощением стремления к свободе.

Причиной этих парадоксов была идеологизация общественного сознания, превратившая понятия «личная свобода» и «социальное насилие» в разменную монету политической игры. Альтернативой рассмотрению феномена социального насилия через призму идеологии является аналитический подход, основанный на четком разграничении социальных феноменов и их оценке в зависимости от содержания, характера деятельности и влияния на общество.

В-третьих, неоднозначная трактовка феномена социального насилия приводит к множественности определений. Так, в отечественной социологии «насилие» рассматривается через категорию «принуждение», в западной – через категорию «сила». Это приводит к отождествлению таких феноменов, как социальное насилие и социальное принуждение, с одной стороны, социальное насилие и социальный контроль – с другой. Формальным основанием для этого в первом случае является обязательный характер

подчинения индивида обществу, в ряде случаев становящийся принудительным, а во втором – представление о праве государства на использование легитимного насилия. Для преодоления третьего противоречия мы предлагаем разграничить понятия «социальное принуждение», «социальный контроль» и «социальное насилие».

В-четвертых, для современной теоретической социологии характерно разнообразие методологических подходов и исследовательских парадигм (полипарадигмальность), что делает актуальной проблему выбора методологии анализа. Все многообразие социологических концепций и подходов можно свести к трем: 1) системному (структурные и динамические парадигмы); 2) интерпретативному; 3) метапарадигмальному [см: 3; 4; 5].

К первому следует отнести исследования, анализирующие феномен насилия с позиций социологического *объективизма*. Такой подход позволяет авторам рассматривать общество как целостность (социальную *систему*), а социальное насилие – как *элемент ее структуры*. Среди представителей данного подхода можно назвать Д. Бекера, Й. Галтунга, Р. Дали, Н. Лумана, К. Маркса, С. Хантингтона и др. Анализ проявлений насилия с объективистских позиций характерен для русской социальной мысли (С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, П.А. Кропоткин, Г.В. Плеханов и др.) и советского обществоведения (В.В. Денисов, Г.Н. Киреев, Н.И. Китаев и др.).

Вторая группа представлена исследованиями, написанными в рамках *субъективистского* подхода, делающего акцент на *интерпретации* человеческого поведения, мотивов деятельности личности. К данной группе можно отнести работы П. Бергера, Г. Блумера, М. Вебера, Т. Лукмана, Г. Маркузе, Дж. Мидса, А. Шюца.

В третью группу вошли представители современного *метапарадигмального* подхода, анализирующие социальную реальность на основе единства действия и структуры, жизненного мира и системы, субъективного и объективного. Данный подход представлен трудами П. Бурдьё, Э. Гидденса, Ю. Хабермаса, П. Штомпки, О.В. Башкарова.

Автор данной статьи считает, что, анализируя такой феномен, как насилие, можно опираться на все вышеперечисленные подходы, поскольку они являются, по сути, взаимодополняющими. Так, для изучения социальных процессов и социальных изменений используются структурно-функциональный (парадигма согласия) и динамический (парадигма конфликта) подходы. С их методологических позиций проблема насилия оценивается по-разному. Первый подход акцентирует внимание на механизмах сохранения равновесия в социальной организации, при этом девиантное поведение, конфликты, насилие рассматриваются как аномальные, подлежащие исправлению с помощью средств социального контроля и принуждения. Динамическая парадигма, как пишет П. Ансар, изучает в первую очередь социальные сдвиги и концентрирует внимание на том, что является фактором этих сдвигов, т.е. на многообразных конфликтах, пронизывающих все социальное пространство. Ключом к осмыслению всех видов насилия, с точки зрения парадигмы конфликта, становится признание «непрочности, присущей социальным отношениям, и принципиальной незавершенности всякого социального устройства» [6, С. 111, 114-115]. Применение обеих парадигм позволяет рассмотреть *динамические процессы взаимодействия насилия и организационных отношений*, изменяющие характер социальной системы и *эволюцию роли самого насилия* – от фактора организации социальной системы к фактору ее дезорганизации, а затем институтизации деструктивных форм организации социальной жизни.

Использование интерпретативного и метапарадигмального подходов позволяет представить «*насилие*» как средство организации «деструктивного» социального пространства, в котором действует личность и общество, а «*социальное насилие*» – как деструктивную организацию социальной реальности, обуславливающую утрату конструк-

тивного значения деятельности социальных субъектов, включающихся в производство и воспроизводство насилия. Таким образом, наиболее продуктивной методологией анализа социального насилия является *полипарадигмальный системный подход*, предоставляющий возможность на основе интеграции различных подходов и парадигм исследовать насилие как феномен, включенный в политическую, социально-бытовую, экономическую и социокультурную организацию общества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Покровский Н. Е. Мир организаций и организация социального мира / Н. Е. Покровский // Социс. – 1997. – № 1. – С. 140-142.
2. Киреев Г.Н. Сущность насилия / Г. Н. Киреев. – М., 1990. – 110 с.
3. Современное понимание жизненных сил человека: от метафоры к концепции (становление виталистской социологической парадигмы) / Под ред. С.И. Григорьева, Л.Д. Деминой. – М.: Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2000. – С. 31.
4. Системный подход в современной науке / С. И. Агабеков, А. Б. Бакур, Г. Бехманн и др. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 560 с.
5. Яковлев И. П. Системно-диалектический подход к анализу общества / И. П. Яковлев // Проблемы теоретической социологии : Сб. статей. – Вып. 2. – СПб.: СПбУ, 1996. – С. 72–80.
6. Ансар П. Современная социология / П. Ансар // Социс. – 1996. – № 8. – С. 111–119.

Гербер Л.П., г. Тюмень

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РИСКООЛОГИИ

Рискология по мнению современных ученых является новой наукой и ее возникновение вызвано потребностью диагностирования, прогнозирования и планирования риска в жизнедеятельности людей. Существуют различные определения науки рискологии. Рискология определяется как наука о законах и закономерностях проявления полей риска, наука о законах и закономерностях действия целенаправляющих систем по определению возможных опасностей, которые могут встретиться в их будущей деятельности, наука о том, что надо делать в будущем, чтобы выжить или добиться успеха при минимуме затраченных усилий, наука о будущем, потому что она связана с прогнозируемыми оценками, возможными грядущими потерями и приобретениями, катастрофами или победами, наука оперирующая важнейшими понятиями XXI века, в частности такими как риск, удача, опасность, возможность, потенциал, игра, альтернатива, противоречие, деятельность [1].

Под термином рискология, по мнению Зубкова В.И., некоторые ученые понимают область знаний комплексно использующую результаты различных наук для установления, изучения и оптимизации рисков. Рискология это формирующаяся область научного знания, актуализация которой явилась следствием осознания в обществе возможности чрезвычайных социальных последствий в различных видах человеческой деятельности. Институционализацией теории риска можно считать создание в 80-х годах прошлого века международного общества анализа риска, а также американского и европейского рискологических обществ. Доклады об исследованиях риска представлялись на сессиях комитетов «Исследование катастроф», «Социология науки и техники» и «Окружающая среда и общество». В конце XX века выходят национальные рискологические журналы, а так же международный журнал по анализу риска «Risk Analysis. An International Journal». С конца 90-х прошлого века в России также начинают издаваться журналы «Вопросы анализа риска», «Управление риском».

В учениях, обозначивших подходы к рискологической проблематике в середине XX века выделяются прагматизм и экзистенциализм. У.Джеймс рассматривает человека как практически деятельное сознательное существо, являющееся «борцом за цель», основными задачами которого является определение средств для их достижения. У.Джеймс